

П. А. Вяземский

Из "Автобиографического введения"

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

OCR Бычков М. Н.

Вероятно никто более меня не удивится появлению в печати полного собрания всего написанного мною в прозе, в течение шестидесятилетия и более. Это уже не в чужом, а в собственном миру похмелье. Впрочем, голова моя, кажется, крепка: чернилами допьяна я никогда не упивался.

В наше скороспелое и торопливое время такое позднее появление довольно любопытно. У нас издаются книги только что вчера дописанные; листы высохнуть еще не успели: кажется, не только у нас, но и везде иные издают книги, которые только завтра напишутся, а пока спешат издать в свет пробные листы. Что до меня касается, следует еще заметить, что предлагаемое ныне собрание сочинений моих предпринято не по моему почину и, так сказать, от меня заочно. Благоприятители предложили, а я согласился. Как и почему согласился я, читателям и публике знать в подробности не нужно. Это -- дело домашнее. Впрочем, не один раз друзья мои убеждали меня собрать и издать себя. Кажется, и посторонние лица, и даже литературные недоброжелатели мои удивлялись, с примесью некоторого сожаления, что нет меня на книжном рынке. Дело в том: в старое время, то есть когда был я молод, было мне просто не до того. Жизнь сама по себе выходила скоропечатными листками. Типография была тут в стороне, была ни при чем. Вообще я себя расточал, а оглядываться и собирать себя не думал. Далее, когда деятельность литературы нашей начала сходить с пути, по которому я следовал, и приняла иное направление, на вызов издать написанное мною и разбросанное по журналам отвечал я: "Теперь поздно и рано". *Поздно* -- потому, что железо остыло, а должно ковать железо, пока оно горячо, то есть пока участие читателей еще живо и сочувственно, пока не развлеклось оно новыми именами, новыми приемами. *Рано* -- потому, что не настала еще пора, когда старое так состарится, что может показаться новым и молодым. По неизменному житейскому порядку и круговращению так бывает во многом: жизнь и история налицо -- они засвидетельствуют правду этих слов. Легко может статься, что многое из ныне животрепещущего и господствующего не переживет века и дня своего. Другое, ныне старое и забытое, может очнуться позднее. Оно будет источником добросовестных изысканий, училищем, в котором новые поколения могут почерпнуть если не уроки, не образцы, то предания, не лишённые занимательности и ценности не только для нового, настоящего, но и для будущего. Слова: прошедшее, настоящее, будущее -- имеют значение условное и переносное. Всякое настоящее было когда-то будущим, и это будущее обратится в прошедшее. Иное старое может оставаться в стороне и в забвении; но тут нет еще доказательства, что оно устарело; оно только вышло из употребления. Это так, но запрос на него может возродиться. Антикварию, продавцы старой мебели, старой утвари также удачно торгуют старьем, как и соседняя с ними лавка сбывает свой свежий и по последнему требованию изготовленный товар. Одно здесь условие: старое должно иметь свою внутреннюю и весовую, или художественную, ценность. В таком товаре есть большая, неуывдаемая живучесть. Отлагая в сторону стыдливую скромность и не подвергая себя упрекам в излишней гордости, полагаю, что предлагаемый здесь товар не лишен, в некоторой степени того и другого свойства. Следовательно, и моя речь впереди. Стоит только дожидаться удобного часа, а он пробьет уж без меня, но пробьет. Впрочем, некогда и я имел свои час, и часы были еще с трезвоном и курантиками. Поздняя старость имеет право говорить о себе в третьем лице. Старик в собственных глазах своих уже не я, а он. В таких условиях выхожу пред общественное судилище. Доволен буду я и малочисленным одобрительным вниманием некоторых читателей; равнодушен буду, -- по крайней мере, так мне кажется, пока я еще в кулисах и на сцену не вышел, -- к строгим приговорам других судей, тем более что этот суд будет что-то вроде посмертного суда. Меня вполне живого он уже не застигнет. На долгом веку моем был я обстрелян и крупными похвалами и крупною бранью. Всего было довольно. Выдержал я испытание и *заговора молчания*, который устроили против меня. Я был отпет: кругом могилы моей, в которую меня живого забыли, глубокое молчание. Что же? Все ничего. Не раздобрел, не раздулся я от первых, не похудел -- от других. Натура одарила меня большою живучестью и телесною и внутреннею. Это может быть досадно противникам моим. Прошу у них в том прощения, но делать мне нечего. Я здоров своим здоровьем и болен своими болезнями. Чужие не могут придать мне здоровья, не могут со стороны привить мне и недуги. Злокачественные поветрия и наития бессильны надо мною.